

УДК 821-131

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-102-119

«Прядь о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах». Перевод, вступительная статья, комментарий

Татьяна Н. Джаксон

Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия
Tatjana.Jackson@gmail.com

Аннотация. Публикация содержит мой перевод «Пряди о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах», с предисловием и комментарием. Эта же прядь в версии «Книги с Плоского Острова» была переведена Еленой Ароновной Гуревич, уникальным знатоком и переводчиком исландских прядей, и включена в подготовленное ею издание исландских прядей. «Прядь о Кровавом Эгиле» занимает в «Саге о Кнютлингах» главы 33–40, но в качестве отдельной пряди не выделена. Она словно бы способствует развитию сюжета, но датские источники, с частью из которых был знаком автор саги, успешно объясняют последующие события без участия Кровавого Эгиля. Прядь служит иным целям: она работает на создание образа конунга Кнута, датского короля Кнута IV Святого, 1080–1086. В ней в концентрированном виде проявляются все те черты конунга, о которых речь шла в других местах саги. Конунг сурово, но справедливо наводит порядок в своей стране, при этом христианское поведение и закон для него неразделимы. Викинг-язычник в молодые годы и святой в будущем, именно в этой пряди он предстает ревностным христианином, желающим не быть связанным древними законами и обычаями, но утверждающим новые христианские законы своей страны.

Ключевые слова: «Прядь о Кровавом Эгиле», «Сага о Кнютлингах», Кнут IV Святой, христианские короли

Для цитирования: Джаксон Т.Н. «Прядь о Кровавом Эгиле» по «Саге о Кнютлингах». Перевод, вступительная статья, комментарий // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 1. С. 102–119. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-102-119

Blóð-Egils þátrr in Knýtlinga saga.
Translation, introductory article, commentary

Tatjana N. Jackson

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Tatjana.Jackson@gmail.com

Abstract. The publication includes my translation of *Blóð-Egils þátrr* as it stands in *Knýtlinga saga*, with a preface and comments. The same *þátrr* that occurs in *Flateyjarbók* was translated by Elena Gurevich, a unique connoisseur and translator of Icelandic *þættir*, and included into her edition of Icelandic *þættir*. *Blóð-Egils þátrr* occupies chapters 33–40 of *Knýtlinga saga*, but it is presented not as a separate *þátrr*, but as part of the narration. It might seem that the *þátrr* contributes to the development of the plot, but Danish sources, some of which the author of the saga had been familiar with, successfully explain the subsequent events without the participation of Bloody Egill. The *þátrr* serves other purposes: it helps to create the image of King Knut (*Knud den Hellige*, 1080–1086). In it, all those features of the king that are discussed elsewhere in the saga, are manifested in a concentrated form. The king severely but fairly restores order in his country, while Christian behaviour and law are inseparable for him. A pagan Viking in his youth and a saint in the future, in this *þátrr* he appears as a zealous Christian who does not want to be bound by ancient laws and customs but affirms the new Christian laws of his country.

Keywords: *Blóð-Egils þátrr*, *Knýtlinga saga*, Knud den Hellige, Christian kings

For citation: Jackson, T.N. (2020), “*Blóð-Egils þátrr in Knýtlinga saga*, Translation, introductory article, commentary”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no 1, pp. 102-119, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-1-102-119

В 2006 г. мне довелось выступать оппонентом на блистательной защите: Елена Ароновна Гуревич защищала докторскую диссертацию на тему «Жанр “прядей об исландцах” в древнескандинавской литературе (К проблеме исторической поэтики малой прозаической формы)». По сути, это была ее монография, вышедшая двумя годами раньше, – глубокое, тонкое и высоко профессиональное исследование поэтики “прядей об исландцах” [Гуревич 2004]. В качестве материала для анализа исследовательницей была избрана группа из 31 пряди, традиционно называемая «прядами о поездках из страны» и отличающаяся наибольшей степенью структурного и тематического единства. Елена Ароновна убедительно продемонстрировала, что «прядь» – это «плоть от плоти» «исландской

саги» и тем не менее это иной литературный жанр, имеющий свою «морфологию», своих главных и второстепенных персонажей и даже свои особые нарративные приемы. Самой значительной работой Елены Ароновны стало подготовленное ею – отобранное во всем корпусе исландских саг, систематизированное, переведенное с древнеисландского языка и тщательно прокомментированное – издание всех прядей [Гуревич 2016].

Среди прядей из приложения XV в. к «Саге о Магнусе Добром и Харальде Суровом Правителе» в «Книге с Плоского Острова» (в ее так называемой «младшей части») в ее издание включена «Прядь о Кровавом Эгиле» [Гуревич 2016, с. 460–466, 900–901]. Этот рассказ, как отмечает исследовательница, известен прежде всего из «Саги о Кнютлингах», «откуда он и был, скорее всего, позднее почерпнут составителем дополнения к “Книге с Плоского Острова”» [Гуревич 2016, с. 900]. В сборник памяти Елены Ароновны я хочу предложить свой комментированный перевод той же пряди по «Саге о Кнютлингах», которую я в настоящее время готовлю к публикации.

Введение

«Сага о Кнютлингах» (*Knýtlinga saga*) – древнеисландская королевская сага, посвященная датским конунгам, «Кнютлингам», потомкам Кнута. За этим родовым прозвищем скрывается либо Кнут Могучий Свейнссон (*Knútr in ríki Sveinsson*), ум. 1035 г., самый могущественный представитель династии, объединивший на некоторое время под своей властью три державы, Англию (с 1016 г.), Данию (с 1019 г.) и Норвегию (с 1019 г.), либо мифический предок по имени Кнут (*Knútr fundni*), упоминаемый в «Саге о йомсвикингах» и «Большой саге об Олаве Трюггвасоне» [Bjarni Guðnason 1982, р. lxxii–lxxiii; Ólafur Halldórsson 2000, р. 8–10, 50, 51, 54, 86, 89, 90] и, вероятно, присутствовавший в начальной, несохранившейся, части «Саги о Кнютлингах». С большой вероятностью можно утверждать, что автором саги был исландец Олав Тордарсон Белый Скальд (*Óláfr Þórðarson hvítaskáld*), а написана сага была, скорее всего, между 1251 и 1259 гг. [Zernak 2000].

«Прядь о Кровавом Эгиле» в качестве отдельной пряди в саге не выделена. В предшествующей ей гл. 32 помещено развернутое географическое описание Дании (подробнее см.: [Jackson 2012]), завершающееся описанием острова Борнхольм, с которым далее окажется связанной история Эгиля: «Боргундархольм лежит в море к востоку от Скани (Сконе. – Т. Д.). Это большое епископство,

и относится оно к епископской кафедре в Лунде. Там находятся двенадцать конунговых усадеб и четырнадцать церквей» (Knyttlinga saga 1982, p. 152). Сама прядь занимает главы 33–40. Она повествует о сложных взаимоотношениях конунга Кнута Свейнссона (1080–1086), будущего Кнута Святого, со своим управляющим на о. Борнхольм, Эгилем Рагнарссоном, поначалу вполне дружественных, но заканчивающихся тем, что конунг велит казнить Эгиля. Причиной для такого изменения отношения конунга служит целый ряд поступков Эгиля, которые конунг не считает достойными христианина. Комментируя завершающие слова пряди о том, что после убийства Эгиля хёвдинги, а вслед за ними и народ стали враждовать с конунгом Кнутом, Елена Ароновна справедливо подчеркивает, что «в конечном счете это привело к восстанию против власти конунга Кнута, его изгнанию и гибели» [Гуревич 2016, с. 901, примеч. 10]. В гл. 41 начинается рассказ о том самом мятеже бондов против Кнута. Но дополнительным поводом к мятежу, согласно саге, послужило то, что конунг, созвав ополчение, сам не явился вовремя в назначенное место сбора в Лимфьорде, а задержало его известие о том, что «винды (венды. – Т. Д.) собрали войско и собираются летом напасть на Данмёрк и отомстить за то зло, которое им причинил Кровавый Эгиль» (Knyttlinga saga 1982, p. 166). Таким способом автор саги словно бы лишний раз подтверждает необходимость предшествующего рассказа об Эгиле.

Однако так ли нужен этот рассказ для развития сюжета? Ведь датские источники, с частью из которых был знаком автор «Саги о Кнютлингах» (см.: [Bjarni Guðnason 1982, p. cxvii–cxxxiv]), успешно объясняют все эти события без участия Кровавого Эгиля [Bjarni Einarsson 1986, p. 42–43; Phelpstead 2007, p. 164–168]. К тому же датское историописание от Эльнота (первая четверть XII в.) до Саксона Грамматика (начало XIII в.), равно как и саговая традиция, не знают Эгиля Рагнарссона. Похоже, что перед нами выдуманный рассказ о выдуманном персонаже, автором которого является сам автор «Саги о Кнютлингах». По меткой формулировке Бьярни Эйнарссона, «если этот эпизод и выглядит необходимой составляющей истории о конунге Кнute, то это потому, что так его подал автор саги» [Bjarni Einarsson 1986, p. 43]. Очевидно, что автор, создавая искомый эпизод, преследовал какие-то иные цели. Как отмечает Арманн Якобссон [Ármann Jakobsson 2005, p. 398], автор «Саги о Кнютлингах» уделял много внимания институту королевской власти как таковой и достоинствам конунгов. Через образы отдельных конунгов здесь выражается общая идеология королевской власти: конунги делятся на плохих и хороших (вроде Кнута Святого), каковые «способствовали поддержанию мира

и являлись прилежными сторонниками церкви, объединение с которой было для них абсолютным» (см. также: [Ármann Jakobsson 1997, p. 286–288]). «Прядь о Кровавом Эгиле», вне сомнения, работает на создание образа конунга Кнута, чье правление отличала, так сказать, суровая справедливость. В этом рассказе проявляются все те черты этого конунга, о которых говорилось в разных местах саги: в предсмертной просьбе его отца избрать конунгом именно Кнута, в той характеристике Кнута, которую дает на тинге один бонд, в авторских ремарках, в отдельных поступках самого конунга. Здесь все это дано в концентрированном виде: конунг сурово, но справедливо наводит порядок в своей стране, и при этом христианское поведение и закон для него неразделимы. Викинг-язычник в молодые годы и святой в будущем, именно в этой пряди он предстает ревностным христианином, желающим не быть связанным древними законами и обычаями, но утверждающим новые христианские законы своей страны (подробнее см.: [Джаксон 2014]).

Перевод выполнен по изданию (Knýtlinga saga 1919–1925). Сохранены присутствующие в издании названия глав, но их номера (напомню, это главы 33–40) опущены.

Перевод

Начало пряди о Кровавом Эгиле

Рагнаром звали одного человека; он был датчанин и родился на юге, на Йотланде¹. Он был богатым человеком и владел тем хутором, который прозывают Рагнарсстадир² и который находится в епископстве Рипар³. Там еще есть озеро, которое названо по его имени и зовется Рагнарссбор⁴. Рагнарь был любимым другом конунга Свейна Ульвссона⁵ и постоянно служил ему, откуда оба они были живы. Эгилем звали сына Рагнара; он был человеком выдающегося физического и духовного совершенства, выше и сильнее других людей, более воинственным, чем другие люди, и хорошим воином.

Об Эгиле

Такое событие произошло в Данмёрке, что умер там на Боргундархольме⁶ один могущественный человек, которого звали Аки; он управлял там двенадцатью усадьбами конунга⁷, которыми тот владел на Боргундархольме⁸. Лежали теперь эти владения заброшенными, и не было в них управляющего. Были тотчас отправлены

посланцы к конунгу Кнуту⁹, чтобы тот принял решение по этому вопросу, и были ему рассказаны эти новости. Просили они его поставить другого человека над этой областью.

В это самое время пришел к конунгу Кнуту Эгиль Рагнарссон и предложил сделаться его человеком и служить ему верой и правдой. «Такие же обязанности были раньше и у моих родичей, – говорит он, – как Вам известно, господин». Конунг отвечает: «Ты – великий человек и благородный, и нет у тебя недостатка в мужестве, но ты не слишком удачлив. Однако, поскольку ты человек весьма энергичный, как мы знаем, то я, скорее всего, передам тебе в руки владение на Боргундархольме для управления. Ты должен будешь собирать все лединги и исполнять обязанности конунга. И хотя мы заберем себе три усадьбы из тех, что нам принадлежат, ты будешь управлять другими конунговыми усадьбами, которые есть у меня на Боргундархольме».

Эгиль принимает условия и становится властителем этой области. Вскоре он делается могущественным человеком, и у него было много людей, и был у него всегда при себе большой отряд. Он был щедр на имущество и жил роскошно, и всякое лето бывал в военном походе, и добывал большие богатства, и тратил их на содержание своих людей по зимам. Он был любим своими людьми. Он также доблестно и смело защищал эту область. И когда так продолжалось уже некоторое время, то много средств стало уходить на те расходы, которые у него были, поскольку он имел меньше дохода от конунга, чем те, кто находился там на королевской службе до него, да и расходов у него было больше. Это Кнуту не слишком нравилось, и он просил Эгиля уменьшить число своих приближенных и сказал, что запретил грабежи внутри страны.

Эгиль вытил кровь

Однажды летом Эгиль собрался в путь из страны со своим войском, и было у него восемнадцать кораблей, и поплыл он в Виндланд¹⁰; и как только он приплыл туда, начал он воевать. Винды собрались все вместе, и было это огромное воско. Выступили они с этим войском против Эгиля, и, когда они встретились, была там большая битва, и пало там много войска с обеих сторон. Эгиль отчаянно храбро шел в бой и бился мужественно. Они сражались на кораблях, и встал тот корабль рядом с кораблем Эгиля, на котором находился предводитель виндов. И когда битва была самой что ни на есть яростной и люди, казалось, не знали, кому суждено пасть, Эгиль перепрыгнул со своего корабля на шнеку¹¹ виндов и напал

на их предводителя, и нанес ему смертельный удар, и тотчас так же быстро перепрыгнул, не разворачиваясь, назад на свой корабль. После этого бросились винды в бегство. Эгиль одержал там славную победу и захватил много добра.

Он был настолько изнурен, что почти потерял сознание; и, когда он уже был у себя на корабле, он попросил дать ему попить. Слуга отвечает: «Здесь на нашем корабле сегодня днем был такой грохот, что все наши бочки разлетелись вдребезги и все запасы питья вылились в трюм». Эгиль говорит: «Но я же смогу это выпить». Слуга отвечает: «Нет, господин, – сказал он. – Потому что в основном это человеческая кровь из ран». Тогда Эгиль встает и снимает шлем с головы, и зачерпывает воду из трюма, и делает три больших глотка. После этого пускается Эгиль с победой в обратный путь и приплывает осенью домой в Данмёрк, и отправляется тотчас к себе на Боргундархолм. Больше этой зимой он не испытывает недостатка в средствах для содержания своего войска. Об этом стало широко известно, и дошло это до конунга Кнута. Конунг хвалит, как и другие люди, подвиг Эгиля и его победу, но мало говорит он о том, что ему рассказали про то, как пил Эгиль. После этого случая Эгиль получил прозвище и стал зваться Кровавый Эгиль.

Об Эгиле

А после того как Эгиль пробыл некоторое время дома, отправился он к конунгу Кнуту. Конунг принял Эгиля достойно и расспросил о его поездках. Эгиль рассказывал обо всем, о чем спрашивал конунг, и было ему легко говорить об этом. Затем позвал его конунг для разговора с глазу на глаз и спросил, правда ли то, о чем ему рассказали, что он пил человеческую кровь. Эгиль отвечает: «В этом есть большая доля правды»; но говорит, однако, что раньше мало думал об этом. «Почему же ты поступил так плохо?» – спросил конунг. Эгиль сказал, что на него напала такая жажда от усталости и напряжения, что ему казалось, что он ее не вынесет, а больше пить было нечего¹². Конунг ответил: «Это очень тяжкий проступок и большое прегрешение против христианства, хотя утверждают, что мы сурово наказываем и за меньшие проступки. Но поскольку ты нам нравишься и твоя служба кажется нам хорошей по многим причинам, мы не будем на этот раз выносить тебе столь строгий приговор, какого многие могли бы ожидать. Я хочу дать тебе такой добрый совет, чтобы ты искупил свой грех перед Богом и прежде всего исповедался у священников, а затем принял епитимию. Несмотря на то что наш закон был нарушен в данном случае, мы

все же простим тебя; хотя то, что ты выпил человеческой крови, не кажется мне меньшим преступлением, чем если бы ты употребил в пищу человеческую плоть». Эгиль пообещал конунгу, что он так и сделает. После этого Эгиль оставался еще несколько ночей у конунга, а прежде чем они с конунгом расстались, пригласил Эгиль конунга к себе на пир: «Я надеюсь, господин, – сказал он, – что мне это принесет удачу¹³, если Вы посетите мое жилище». Он не пожалел слов, чтобы уговорить конунга принять его приглашение. Конунг пообещал приехать, когда пройдет зима. После этого поехал Эгиль домой; эту зиму он провел у себя дома на Боргундархольме.

О конунге и Эгиле

Конунг Кнут собрался весной в поездку на Боргундархольм. Эгиль подготовил там для него великолепный пир. Конунг Кнут пришел на пир с огромным множеством людей. Там был большой парадный зал, не уступающий по размерам палатам конунга; он был весь изукрашен щитами. Конунг провел там три ночи на пиру, и был он очень весел, и был конунг в хорошем настроении. Эгиль преподнес конунгу на прощанье щедрые дары¹⁴. Конунг тогда сказал Эгилю: «Ну и как дела, Эгиль? – спросил он. – Ты исполнил то, о чем я тебе говорил в прошлый раз, что тебе нужно рассказать священникам о своем проступке и примириться с Богом?» Эгиль ответил: «Нет, господин. Я забыл об этом». Конунг просил его не откладывать этого надолго. Эгиль сказал, что так и будет, и расстались они друзьями. Эгиль пустился в военный поход летом и берет большую добычу; возвращается он осенью домой и не едет в этот раз к конунгу.

Об Эгиле

Конунг Кнут узнал о том, что Эгиль снова был летом в военном походе, и ему это не понравилось, потому что он запретил людям грабежи и беспорядки в своем государстве. Конунг повелел Эгилю приехать к нему ближайшей зимой. Эгиль отправился к конунгу Кнуту, и принимает конунг его хорошо. Вскоре конунг и Эгиль повели между собой разговор, и спросил затем конунг: «Ты снова занимался грабежами этим летом, Эгиль?». Эгиль говорит, что так и было. Конунг отвечает: «Ты плохо поступаешь, пускаясь в викингские походы; это обычай язычников¹⁵, и я тебе запрещаю это делать. Еще мне говорят, что ты, как конунги, держишь при себе

множество людей и ведешь себя совершенно в соответствии с королевским обычаем, и тратишь на них почти все свои средства, и отнимаешь чужое имущество, когда тебе не хватает денег. Ко мне приходят многие, кто жалуется на это и кто не желает подвергаться твоим нападениям и грабежам. Я хочу, – сказал он, – чтобы ты уменьшил число своих людей и не строил из себя человека большего по роду и происхождению, чем ты есть. Я хочу, чтобы ты во всем знал меру, если хочешь нам служить. Ну и как сейчас обстоят дела, Эгиль, – спросил конунг, – с тем, о чем я тебе не один раз напоминал и о чем ты должен помнить: ты искупил свой грех?»

Эгиль ответил тогда рассерженно: «Я надеюсь, господин, что, хотя Вы и напоминаете мне часто об этом деле, все же я сам могу решить по своему разумению». Тогда отвечает конунг: «Теперь я уверен, что сбудется то, что я сказал тебе в тот первый раз, когда тебя увидел: ты не станешь удачливым во всем человеком. Коль скоро ты сам пренебрегаешь своими собственными интересами в этом вопросе, я больше не хочу, чтобы ты мне служил, и отныне ты не будешь охранять мои владения». Эгиль ответил: «Вам решать, какие вейцлы дать мне, господин. Но Вам может показаться удивительным, – сказал он, – если я не буду бедствовать, даже если у меня будут только мои собственные средства к существованию. Я не стану просить у Вас службы больше, чем Вы сами захотите мне предложить». Конунг ответил: «Не стоит тебе, Эгиль, изображать из себя такого большого человека, – говорит он. – Мне доводилось гнуть и более толстые шеи, чем у тебя. Думаю, что когда наша дружба закончится, тебе от этого будет хуже, чем мне. Есть у меня сейчас такое предчувствие, – сказал он, – что с тобой случатся вещи еще более серьезные, чем то, о чем мы уже знаем».

После этого расстались конунг и Эгиль без большой любви. Затем конунг Кнут поставил другого человека над Боргундархольмом, а Эгиль снял с себя управление этой частью государства. Эгиль сидел тогда дома на своем хуторе, и тем не менее у него не стало меньше людей. Напротив, у него было ничуть не меньше роскоши и даже еще больше людей, чем до того, как он выпустил эту область из своих рук.

Кораблекрушение

В то время Норегом¹⁶ правил Олав Тихий¹⁷, сын конунга Харальда Сигурдарсона¹⁸. Он был женат на Ингирид, дочери конунга Свейна Ульвссона и сестре конунга Кнута, и была сердечная дружба между зятем и шурином¹⁹.

Случилось однажды летом, что некий корабль, большой и богатый, отплыл из Норега. Этим кораблем владели купцы, которые намеревались плыть в Эйтланд²⁰ или куда-нибудь в другое место в Аустрвеге²¹. Они поплыли сначала в Данмёрк, а затем на восток через Эйрарсунд²² и дальше на восток к Боргундархольму. Затем тот корабль пропал, так что о нем не было никаких известий, и не нашлись ни люди с этого корабля, ни грузы. Людям это казалось весьма зловещим, и было много предположений по поводу того, что же могло случиться. Олав, конунг Норега, послал просьбу Кнуту, конунгу данов, своему шурина, чтобы тот выяснил, что могло произойти с тем кораблем, и тот обещал это сделать.

Смерть Эгиля

Конунг Кнут собрался как-то раз на Боргундархольм на нескольких кораблях. Вместе с ним в поездке был Бенедикт, его брат, а также два брата, Свейн и Астраи. Они были датчанами, богатыми и знатными, и были известны по своей матери: их звали сыновьями Торгунны. Торгунна, их мать, была дочерью Вагна Аксона. Эти братья были знаменитыми людьми, и были они близкими друзьями конунга Кнута. Были в поездке с конунгом Кнутом и многие другие хёвдинги, которые здесь не названы²³.

Конунг Кнут поплыл на Боргундархольм со своим войском, как только подул попутный ветер. Основной целью конунга было выяснить, не обнаружит ли он во время плаванья что-то, относящееся к тому кораблю, который пропал из Норега, потому что конунг Кнут сильно беспокоился о нем и очень хотел узнать, что же случилось²⁴. И когда они уже были недалеко от Боргундархольма, проплывали они мимо каких-то островов, и тогда конунг попросил причалить там к берегу, и так они и сделали. Затем они сошли на землю. Конунг Кнут пошел по берегу, и были там огромные камни. Конунг присмотрелся к этим камням, и заметил он, что все там было красно. Конунг спросил у своих людей, что бы это могло быть. Они отвечают: «Вы лучше разберетесь, господин». Конунг ответил: «Я склонен думать, что некоторое время назад здесь был очень большой пожар. Может статься, сейчас выйдет наружу то, что мне давно приходило на ум и что касается нас с Эгилем. Не стоит скрывать, – говорит конунг, – я думаю, что в этом повинен какой-то человек, и вскоре это выяснится. Больше нам здесь сейчас задерживаться незначем».

Затем конунг пускается дальше в путь. Он побывал на пиру недалеко от усадьбы Кровавого Эгиля. У Эгиля тогда было при себе

так много людей, что дружина его была почти столь же велика, как у конунга. Люди очень дивились тому, как Эгиль мог кормить такое большое войско, когда он уже почти не занимался разбоем, потому что Эгиль бросил тогда воевать, но все же не испытывал недостатка в средствах на содержание своего войска. Люди много рассказали конунгу о нравах Эгиля и его людей, и оказалось, что конунгу это столь мало по душе, что он пришел в ярость от того, что узнал. В тот же самый вечер конунг велел напасть на Эгиля и назначил предводителем Бенедикта, своего брата, и были в поездке вместе с ним те два брата, Свейн и Астрад; всего их было сто человек.

Ехали они, пока не добрались ночью до усадьбы Эгиля²⁵. У Эгиля и его людей было в обычае пить до полуночи или даже дольше. И когда Бенедикт и его люди напали на усадьбу, они сразу же двинулись в пиршественный зал. Эгиль и его люди еще сидели там и пили, хотя большая часть уже ушла спать. Бенедикт со спутниками окружили зал; а когда Эгиль и его люди обнаружили врагов, они тут же схватились за оружие и приготовились обороняться. Бенедикт говорит, что лучшим выходом для них было бы сдаться. И когда Эгиль понял, что численное превосходство на их стороне, он вышел и отдал себя в их руки. Был он затем взят в плен, и отправился Бенедикт с ним к конунгу Кнуту, а сыновья Торгунны остались там с несколькими воинами и должны были проследить, чтобы никто из людей Эгиля не смог бежать.

А когда Эгиль предстал перед конунгом, тогда заговорил конунг: «Много времени прошло с нашей последней встречи, Эгиль, – сказал он. – Не буду скрывать от тебя, что я хотел бы, чтобы эта наша встреча была последней». Эгиль ответил: «Все теперь в Вашей власти, господин. Все же я полагаю, что никто не назовет Вас лучшим правителем или бóльшим конунгом, если Вы убьете неповинных людей». Тогда ответил конунг Кнут очень спокойно: «Я сейчас должен буду, Эгиль, – сказал он, – понести полную ответственность за свои поступки. Если я убью невиновных людей, то я должен буду ответить за это перед Богом. Но все же ты сейчас в таком положении, Эгиль, что твои дерзость и упрямство тебе не помогут. Сейчас мы тебя схватили; теперь тебе надо будет рассказать нам, как все пришло, как бы ни было неприятно об этом говорить. Мы сейчас все выясним: ты нам сейчас расскажешь о тех корабельщиках, которых, как мы полагаем, ты и твои люди убили и чье имущество присвоили. Это довольно долго держалось в тайне; но мы, – сказал конунг, – побывали в том месте, где, как мы думаем, это произошло».

Эгиль понял тогда, что у него нет другого выхода, кроме как рассказать о том, что случилось и как было дело, поскольку он

знал, что многим из его людей тоже было об этом известно и что некоторые из них могут рассказать обо всем, если их очень настойчиво об этом спрашивать. Тогда Эгиль сказал: «Когда тот самый корабль, о котором Вы спрашиваете, встал в виду тех самых островов, на которых Вы побывали, мы следили за их плаванием. Там очень мелко на большом расстоянии от берега, а они, нордманны²⁶, об этом не знали, так как им это место было незнакомо, и ночью вода ушла из-под их корабля. Тогда отправились мы с моими людьми, – сказал Эгиль, – и напали под утро на тот торговый корабль. Короче говоря, мы сначала схватили и связали всех людей, которые были на том корабле, затем разграбили все добро, вывели корабль на плоские камни и подожгли его, и сожгли все вместе – людей и корабль – так, что не должно было быть видно ни следа всего этого, за одним лишь исключением, что камни с тех пор стали красными».

И когда Эгиль сказал это, заговорил конунг Кнут: «Вот и оказалось, как я и предполагал, что ты заслуживаешь смертной казни. Смотрите сейчас, добрые люди, – сказал конунг, – как мы накажем такое злодеяние». Там присутствовало при этом много родичей Эгиля, которые были людьми весьма уважаемыми, и они предлагали за него деньги, чтобы освободить его. Конунг отвечал: «Никогда обо мне не скажут, что я до такой степени предал свою веру, что за деньги или по причине дружбы с некоторыми людьми стал судить нечестно. Разве не было бы основанием для смертного приговора, если бы был убит лишь один человек? Здесь же убиты многие, а убийца с тех пор живет почти исключительно на то, что было им украдено». Тут было не на что возразить, да и никто не решался противоречить конунгу. После этого Эгиля увели в лес; соорудили там виселицу и вздернули на ней Эгиля.

Затем конунг отправился в ту усадьбу, которая принадлежала Эгилу, и велел тогда подвергнуть наказанию его людей: некоторых он повелел убить, а некоторых покалечить, некоторых он изгнал прочь из страны, но никому он не позволил остаться безнаказанным из тех, кто хоть как-то был причастен к этому замыслу, и уничтожил он таким образом эту банду разбойников. Этот поступок вызвал, однако, недовольство многих, поскольку Эгиль был человек знатный и у него было много родичей. После этого у хёвдингов начался разлад с конунгом, они сильно ожесточились против него, а вслед за ними и простые люди. Они считали, что он могуществен и жесток в расправе, а они давно уже привыкли к независимости.

Комментарии

¹ ...родился на юге, на Йотланде. – ættaðr suðr á Jótlandi можно понять и несколько иначе, а именно: «родом с юга Йотланда». Однако первый перевод, на мой взгляд, предпочтительней в силу весьма специфических (не соответствующих реальным) пространственных представлений автора саги, для которого (и это прослеживается по всему тексту) Ютландия расположена на юге, к северу от нее располагается о. Фюн, к северу от Фюна – о. Зеландия, к северу от Зеландии – пролив Эресунн, еще дальше к северу – Сконе и Халланд (см.: [Jackson 2017]).

² *Ragnarsstaðir* (дисл. *Ragnarsstaðir*) – «Жилище Рагнара». Финнур Йоунссон отмечает, что имя *Ragnarsstaðir* неизвестно, но вполне прозрачно и образовано, как и другие названия на -staðir [Finnur Jónsson 1919, p. 76].

³ *Punap* (дисл. *Rípar*, датск. *Ribe*) – Рибе, город на юго-западе Дании, на берегу Северного моря, старейший из сохранившихся в стране городов; административный центр провинции Рибе.

⁴ *Ragnarsbjör* (дисл. *Ragnarsbjör*) – «Озеро Рагнара». Как указывает издатель «Саги о Кнютлингах» Бьярни Гуднасон (*Knýtlinga saga* 1982, p. 153, п. 1), нигде в сагах нет больше упоминаний ни хутора отца Эгиля (Рагнарсстадир), ни озера, названного его именем (Рагнарсбьор).

⁵ *Свейн Ульфссон* (*Sveinn Úlfsson*) – датский король Свен II Эстридсен (*Svend Estridsen*, 1047–1076), представитель рода Горма Старого (имеющий даже патроним, производный от имени своей матери, Астрид, правнучки Горма и сестры Кнута Великого, а не своего отца, ярла Ульва Торгильссона). Законным правителем Дании он стал после смерти в 1047 г. короля Норвегии (1035–1047) и Дании (1042–1047) Магнуса Доброго.

⁶ *Боргундархольм* (дисл. *Borgundarhólmr*, датск. *Bornholm*) – Борнхольм, датский остров в юго-западной части Балтийского моря.

⁷ *управлял там двенадцатью усадьбами конунга*. – Подобная система государственного управления сложилась в Дании много раньше описываемого сагой времени: в течение IX и первой половины X в. сформировалась своеобразная сеть «королевских» усадеб, разбросанных по стране. Конунг, не имея постоянной резиденции, переезжал из одной усадьбы в другую, а для исполнения функций верховной власти на время отсутствия назначал своего представителя, называвшегося в латиноязычных источниках *praefectus* или *comes* (см.: [Чернышева 1996, с. 66]).

⁸ Здесь в пряди по «Книге с Плоского Острова» следует вставка из концовки гл. 32 «Саги о Кнютлингах» с описанием острова Борнхольм.

⁹ В «Книге с Плоского Острова» далее следует уточнение «er þá var konungr yfir Danmörk» («который был тогда конунгом над Данмёрком»), естественно, отсутствующее в саге. Конунг Кнут (*Knútr Sveinsson*) – датский король Кнут IV Святой (*Knud den Hellige*, 1080–1086).

¹⁰ *Виндланд* (*Vinðland*) – земли прибалтийских славян, вендов. В древнескандинавских источниках под именем *Vinðir* (мн. ч. от *Vinðr*) – венды – обычно фигурируют полабские славяне и поморяне (в частности, руяне), против которых датские короли предприняли во второй половине XII–XIII в. серию «крестовых походов» (см.: [Чернышева 1996, с. 109]). Исследование вендской топонимии в «Саге о Кнютлингах», см. [Petrulevich 2016].

¹¹ *шнека* (*snekkja*) – быстроходный боевой корабль, прозванный так за быстрое «змееподобное» движение по воде, разновидность так называемых длинных кораблей (*langskip*) или драккаров (*dregi*), боевых кораблей с головой дракона на носу (см.: Cleasby, Vigfusson 1957, p. 574, 104).

¹² В «Книге с Плоского Острова» этот пересказ слов Эгиля дан в виде прямой речи.

¹³ *...мне это принесет удачу, если Вы посетите мое жилище.* – Удача в пряди упоминается трижды. Выше в тексте, при первой встрече с Эгилем, конунг говорит ему: «Ты не слишком удачлив» («*eigi ertu með öllu gæfumannligr*»). Позднее конунг подтвердит свое первое впечатление следующим образом: «Теперь я уверен, что сбудется то, что я сказал тебе в тот первый раз, когда тебя увидел: ты не станешь удачливым во всем человеком» («*Nú er mér þess ván, at þat komi fram, er ek sagða þér et fyrsta sinn, er ek sá þik, at þú mundir eigi vera með öllu gæfumaðr*»). В описанной здесь ситуации Эгиль, приглашая конунга на пир, выражает надежду, что это принесет ему удачу. Удача воспринималась древними скандинавами как некое свойство, присущее либо отдельному человеку, либо его роду в целом. Удачу можно было лишиться, а можно было ее приобрести. Человеку, «лишенному удачи» нелегко было найти поддержку, он был часто обречен на гибель, а то и на еще большее зло – бесчестье» [Гуревич 2004, с. 216]. Вожди, конунги были, так сказать, по определению наделены удачей, и дружба с конунгом могла привести к приобщению к его удаче (см. подробнее: [Гуревич 1972, с. 52–62]).

¹⁴ *Эгиль преподнес конунгу на прощанье щедрые дары.* – Это сообщение саги отличается формульным характером. Автор саги конечно же не располагал информацией обо всех прощальных дарениях, но, упоминая о дружественном расставании, он тем самым выражал то, о чем, в силу «объецивающего» характера исландских саг, он «не мог знать»: рассказывая о прощальном даре Эгиля, принятом конунгом, он фактически говорит о мыслях своих героев – о том, что они расстались друзьями. О традиционном в средневековом обществе обмене дарами см.: [Гуревич 1984, с. 234–241; об анализе мотива дарения при расставании см.: [Глазырина, Джаксон 2013].

¹⁵ *Ты плохо поступаешь, пускаясь в викингские походы; это обычай язычников.* – В этой фразе автор XIII в. устами конунга Кнута отождествляет викингов и язычников, а также высказывает осуждение подобного образа жизни.

¹⁶ *Horeg* (дисл. *Nóreg*) – Норвегия.

¹⁷ *Олав Тихий* (*Óláfr kyrr*) – норвежский конунг Олав III (1066–1093), сын Харальда Сурового Правителя и Торы Торбергсдоттир.

¹⁸ *Харальд Сигурдарсон* (*Haraldr Sigurðarson*) – норвежский конунг Харальд III Суровый Правитель (1046–1066).

¹⁹ *...дружба между зятем и шурином.* – Свойственники, т. е. родичи через замужество (зятя, шурины, девери и проч.), обозначались в сагах специальным термином *mágar* (мн. ч. от *mágr*) и воспринимались, если судить по источникам XII–XIII вв., как потенциальные *félagar* «сотоварищи» [Джаксон 2003].

²⁰ *Эйстланд* (дисл. *Eistland*) – «Земля эйстов», древнескандинавское обозначение области в Восточной Прибалтике, вероятно, совпадающей с современной Эстонией.

²¹ *Аустрвег* (дисл. *Austrvegr*) – «Восточный путь» (производное от *austr* – «восток» и *vegr* – «путь»). В поздних королевских сагах («Красивой коже», «Круге земном», «Саге о Кнютлингах») служит обозначением земель юго-восточного побережья Балтийского моря [Джаксон 1976].

²² *Эйрарсунд* (дисл. *Eyrarsund*, датск. *Øresund*) – Эресунн, пролив между о. Зеландия и южной оконечностью Скандинавского полуострова.

²³ *...которые здесь не названы.* – Насколько можно понять эти слова, в распоряжении автора саги имеется какой-то источник.

²⁴ *Основной целью ... случилось.* – В пряди по «Книге с Плоского Острова» этот весьма нетипичный для сагового повествования комментарий относительно намерений конунга опущен.

²⁵ *Ехали они, пока не добрались...* – Здесь автор использует «путевую формулу», широко распространенную в сагах для описания путешествия, о котором либо нет сведений, либо сведения не представляют никакого интереса [Джаксон 2010, с. 50–54].

²⁶ *нордманны* (*Nordmenn*) – норвежцы.

Источники и словари

Cleasby, Gudbrand Vigfusson 1957 – An Icelandic-English Dictionary / R. Cleasby, Gudbrand Vigfusson. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1957. 833 p.

Knýtlinga saga 1919–1925 – Sögur Danakonunga / Carl af Petersens, Emil Olsson (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur. B. XLVI). København: Møller, 1919–1925. S. 29–294.

Knýtlinga saga 1982 – Danakonunga sögur / Bjarni Guðnason (Íslensk fornrit. B. XXXV). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1982. Bls. 91–321.

Литература

- Глазырина, Джаксон 2013 – Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н. Дар дружбы // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 247–254.
- Гуревич 1972 – Гуревич А.Я. История и сага. М.: Наука, 1972. 198 с.
- Гуревич 1984 – Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2-е изд. М.: Искусство, 1984. 350 с.
- Гуревич 2004 – Гуревич Е.А. Древнескандинавская новелла: поэтика «прядей об islandцах». М.: Наука, 2004. 424 с.
- Гуревич 2016 – Гуревич Е.А. Исландские пряди. М.: Наука, 2016. 1006 с.
- Джаксон 1976 – Джаксон Т.Н. «Восточный путь» исландских королевских саг // История СССР. 1976. № 5. С. 164–170.
- Джаксон 2003 – Джаксон Т.Н. Зятья, шурины, тести и прочие *mágar* (брачные связи в освещении древнескандинавских источников) // *Homo Historicus*. К 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного. М.: Наука, 2003. Кн. I. С. 723–728.
- Джаксон 2010 – Джаксон Т.Н. *Хольмгардсфари*, или Туда и обратно // *Одиссей*. 2009 (2010). С. 43–57. *Одиссей*. Человек в истории 2009.
- Джаксон 2014 – Джаксон Т.Н. «Прядь о Блод-Эгиле» в составе «Саги о Кнютлингах» // *Восточная Европа в древности и средневековье: XXVI Чтения памяти В.Т. Пашуто*. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 81–87.
- Чернышева 1996 – История Дании с древнейших времен до начала XX века / Отв. ред. О.В. Чернышева. М.: Наука, 1996. 503 с.
- Ármann Jakobsson 1997 – Ármann Jakobsson. Í leit að konungi. Konungsmýnd íslenskra konungasagna. Reykjavík: Háskólaútgáfan, 1997. 377 p.
- Ármann Jakobsson 2005 – Ármann Jakobsson. Royal Biography // *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture* / R. McTurk. Oxford: Blackwell Publishing, 2005. P. 388–402.
- Bjarni Einarsson 1986 – Bjarni Einarsson. On the “Blóð-Egill” Episode in *Knýtlinga saga* // *Sagnaskemmtun*. Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday / R. Simek, Jónas Kristjánsson, H. Bekker-Nielsen. Wien; Köln; Graz, 1986. P. 41–47.
- Bjarni Guðnason 1982 – Bjarni Guðnason. Formáli // *Danakonunga sögur* / Bjarni Guðnason (Íslensk fornrit. B. XXXV). Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1982. Bls. v–cxci.
- Finnur Jónsson 1919 – Finnur Jónsson. Danske stedsnavne i *Knýtlingasaga* // *Danske Studier*. 1919. S. 74–80.
- Jackson 2012 – Jackson T.N. On the Possible Sources of the Textual Map of Denmark in *Göngu-Hrólfs saga* // Самые забавные лживые саги: Сборник статей в честь Г.В. Глазыриной. М.: Ун-т Дм. Пожарского, 2012. С. 62–70.
- Jackson 2017 – Jackson T.N. Danish Islands in *Knýtlinga Saga* // *Viking and Medieval Scandinavia*. 2017. № 13. P. 1–21.
- Ólafur Halldórsson 2000 – Ólafur Halldórsson. Danish kings and the Jomsvikings in the Greatest saga of Óláfr Tryggvason. London: University College London, 2000. 105 p.
- Petrulevich 2016 – Petrulevich A. Ortnamnsanpassning som process: En undersökning av vendiska ortnamn och ortnamnsvarianter i *Knýtlinga saga*. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016. 318 p.

- Phelpstead 2007 – *Phelpstead C. Holy Vikings: Saints' Lives in the Old Icelandic Kings' Sagas*. Tempe: ACMRS, 2007. 274 p.
- Zernak 2000 – *Zernak Ju. Knýtlinga saga* // *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*. Berlin; New York: De Gruyter, 2000. Bd. 17. S. 68–70.

References

- Ármann Jakobsson (1997), *Í leit að konungi. Konungsmynd íslenskra konungasagna*, Háskólaútgáfan, Reykjavík, Iceland.
- Ármann Jakobsson (2005), “Royal Biography”, McTurk, R. (ed.), *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*, Blackwell Publishing, Oxford, UK, pp. 388–402.
- Bjarni Einarsson (1986), “On the ‘Blód-Egill’ Episode in Knýtlinga saga”, Simek, R. et. al. (eds). *Sagnaskemmtun. Studies in Honour of Hermann Pálsson on his 65th birthday*, Graz, Wien and Köln, Austria, pp. 41–47.
- Bjarni Guðnason (ed.) (1982), *Danakonunga sögur* (Íslensk fornrit 25), Hið íslenska fornritafélag, Reykjavík, Iceland.
- Chernyshova, O. (ed.) (1996), *Istoriya Danii s drevneyshikh vremen do nachala XX veka* [History of Denmark from the old times to the early 20th century], Nauka, Moscow, Russia.
- Cleasby, R. and Gudbrand Vigfusson (1957), *An Icelandic-English Dictionary*, 2nd ed., Clarendon Press, Oxford, UK.
- Finnur Jónsson (1919), “Danske stedsnavne i Knytlingasaga”, *Danske Studier*, pp. 74–80.
- Glazyrina, G.V. and Jackson, T.N. (2013), “Gift of Friendship”, *Stratum plus*, no. 5, pp. 247–54.
- Gurevich, A.Ya. (1972), *Istoriya i saga* [History and saga], Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, A.Ya. (1984), *Kategorii srednevekovoy kul'tury* [Categories of medieval culture], 2nd ed., Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, E.A. (2004), *Drevneskandinavskaya novella: poetika pryadey ob islandtsakh* [Old Norse novella: Poetics of Icelandic þættir], Nauka, Moscow, Russia.
- Gurevich, E.A. (2016), *Islandskiy pryadi* [Icelandic þættir], Nauka, Moscow, Russia.
- Jackson, T.N. (1976), “Vostochnyy put' islandskikh korolevskikh sag” [The Eastern Way of the Icelandic Kings' sagas], *Istoriya SSSR* [History of the USSR], no. 5, pp. 164–70.
- Jackson, T.N. (2003), “Zyat'ya, shuriny, testi i prochiye mágar (brachnyye svyazi v osveshchenii drevneskandinavskikh istochnikov)” [“In-laws (mágar): matrimonial ties as reflected in Old Norse sources”], *Homo Historicus. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya YU.L. Bessmertnogo* [Homo Historicus: To Yuri Bessmertnyi 80th birthday], Nauka, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 723–28.
- Jackson, T.N. (2010), “Hólmgarðsfari, ili Tuda i obratno” [Hólmgarðsfari, or There and back again], *Odissey*, vol. for 2009, pp. 43–57.
- Jackson, T.N. (2012), “On the Possible Sources of the Textual Map of Denmark in *Göngu-Hrólfs saga*”, *Skemmtiligastar Lygisögur. Studies in Honour of Galina Glazyrina*, Universitet Dm. Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 62–70.
- Jackson, T.N. (2014), “Pryad' o Blod-Egile v sostave Sagi o Knyutlingakh” [Blód-Egils þáttr as part of Knýtling Saga], *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'ye: XXVI*

- Chteniyà pamyati V.T. Pashuto* [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: XXVI Readings in Memory of V.T. Pashuto], IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 81–87.
- Jackson, T.N. (2017), “Danish Islands in Knýtlinga Saga”, *Viking and Medieval Scandinavia*, vol. 13, pp. 1–21.
- Ólafur Halldórsson (2000), *Danish kings and the Jomsvíkings in the Greatest saga of Óláfr Tryggvason*, University College London, London, UK.
- af Petersens, C. and Olson, E. (1919–1925), *Sögur Danakonunga* (Samfund til udgivelse af gammel nordisk litteratur 46), Møller, København, Denmark.
- Petrulevich, A. (2016), *Ortnamnsanpassning som process: En undersökning av vendiska ortnamn och ortnamnsvarianter i Knýtlinga saga*, Uppsala Universitet, Uppsala, Sweden.
- Phelpstead, C. (2007), *Holy Vikings: Saints' Lives in the Old Icelandic Kings' Sagas*, ACMRS, Tempe, USA.
- Zernak, Ju. (2000), “Knýtlinga saga”, *Reallexikon der germanischen Altertumskunde*, De Gruyter, Berlin, Germany, vol. 17, pp. 68–70.

Информация об авторе

Татьяна Н. Джаксон, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 32а; Tatjana.Jackson@gmail.com

Information about the author

Tatjana N. Jackson, Dr. of Sci. (History), chief research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii Av., Moscow, Russia, 119334; Tatjana.Jackson@gmail.com